

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Садовник и господа

В одной миле от столицы лежало старинное барское поместье; в поместье был замо́к со множеством башен, окружённый толстыми стенами.

В замке жили — конечно, только в летнее время — богатые, знатные господа. Это поместье было лучшим, богатейшим из всех их имений; замок смотрел отстроенным заново, внутри всё было устроено с таким комфортом и удобством. Над воротами красовался высеченный из камня родовой герб господ; и герб, и весь верхний выступ ворот были обвиты розами. Перед самым замком расстился зелёный ковёр — лужайка, покрытая дёрном; в саду рос и красный, и белый тёрн, и разные редкие цветы — прямо на вольном воздухе, кроме тех, что росли в теплице.

Недаром же господа держали дельного садовника! Любо было посмотреть на цветник, на фруктовый сад и на огород. Но к ним примыкал ещё остаток старого сада — площадка, обсаженная кустами буксбаума, подстриженными в виде корон и пирамид, и на ней два могучих старых дерева, почти всегда оголённых, без единого листочка, и словно осыпанных во время какого-нибудь урагана большими комками навоза. На самом же деле эти комки были птичьими гнёздами.

На деревьях гнездилась с незапамятных времён масса крикливых грачей и ворон. Тут был настоящий птичий городок; птицы являлись здесь владельческими господами; и то сказать, они были, ведь, старейшими обитателями усадьбы, а следовательно, и настоящими господами здесь! Им мало было дела до людей, которые копошились там внизу, — они, так сказать, только терпели этих низменных созданий, хотя те порою и палили в них из ружей, так что у них дрожь пробегала по спине, и они в ужасе взлетали кверху с криками: «Ду-ррак! Ду-ррак!»

Садовник часто говорил господам, что следовало бы срубить эти старые некрасивые деревья и заодно избавиться от крикливых птиц, — они, наверно, улетят тогда в другое место. Но господа не желали расстаться ни с деревьями, ни с птицами: так было в усадьбе в старину, так оно должно было остаться и впредь — никаких перемен.

— Эти деревья — родовое имение птиц, пусть же они владеют им, добрейший Ларсен!

Фамилия садовника была Ларсен, но в данном случае фамилия его ни при чём.

— Да и разве мало у вас места, добрейший Ларсен? И цветник, и теплицы, и фруктовый сад, и огород — всё в вашем распоряжении! Действительно, всё это было предоставлено на его полное попечение, и он ухаживал за вверенным ему участком с любовью и усердием. И господа ценили его за это, но вместе с тем и не скрывали, что в гостях им нередко приходилось кушать лучшие фрукты и любоваться более красивыми цветами, чем у себя дома. Это огорчало садовника, — он хотел иметь в господском саду всё, что только было лучшего из фруктов и цветов, и употреблял для этого все старания. Он был добрый, честный слуга.

Раз господа позвали его к себе и сказали со всею господскою мягкостью и снисходительностью, что вот-де накануне им пришлось отведать у своих знатных друзей таких вкусных, сочных яблок и груш, что и они, и все остальные гости были просто поражены; конечно, эти плоды наверно не здешние, но их надо развести и здесь, если только климат позволит. Господа узнали, что плоды были куплены в городе, в лучшем фруктовом магазине; так вот, пусть садовник съездит туда и узнает, откуда они

привезены, а затем выпишет черенки.

Садовник хорошо знал хозяина того магазина, – ему-то как раз он, с согласия господ, и продавал весь излишек фруктов из их сада.

И вот, садовник отправился в город и спросил хозяина магазина, откуда он достал эти хваленые яблоки и груши.

– Да из вашего же сада! – ответил тот и показал садовнику плоды.

Садовник сразу признал их.

Как же он был рад! Живо вернулся домой и доложил господам, что и яблоки, и груши из их собственного сада.

Господа и верить не хотели.

– Это просто невозможно, Ларсен! Вот, если бы вы могли достать от хозяина магазина письменное удостоверение?..

Конечно! Удостоверение было доставлено.

– Замечательно! – сказали господа.

С тех пор на господском столе стали ежедневно появляться большие вазы с этими великолепными яблоками и грушами из собственного сада господ. Стали также рассылать их бочонками всем друзьям, жившим в городе и за городом, и даже за границу. Господам это доставляло такое удовольствие! Но они, конечно, не забывали и того, что два последние лета были особенно благоприятны для фруктов, которые удались у всех!

Прошло несколько времени. Господа были приглашены на придворный обед. На другой день садовника позвали к господам: во дворце им подавали за десертом удивительно сочные, нежные и вкусные дыни прямо из королевской теплицы.

– Надо вам отправиться к придворному садовнику, Ларсен, и добыть семян этих чудных дынь!

– Да, ведь, придворный садовник сам брал семена от нас! – радостно сказал садовник.

– Ну, так он сумел выходить из них удивительные плоды! – сказали господа. – Каждая дыня была превосходна!

– Тем больше чести мне! – сказал садовник. – Я могу доложить милостивым господам, что у придворного садовника дыни нынешний год совсем не удались, и, увидав, как хороши и вкусны наши, он взял у меня для вчерашнего обеда три штуки.

– Ларсен! Не воображайте, что те дыни из нашего сада!

– А я думаю, что так! – ответил садовник, отправился к придворному садовнику и добыл от него письменное удостоверение, что дыни, поданные вчера к королевскому столу, были взяты из сада его господ.

Господа были поражены, но не стали держать этой истории в секрете, всем показывали удостоверение и повсюду рассылали семена дынь, как прежде черенки яблонь и грушевых деревьев.

А относительно этих черенков приходили известия, что они привились, и деревья стали приносить великолепные плоды, получившие название в честь господской усадьбы; таким образом, имя её получило теперь известность и на французском, и на немецком, и на английском языках.

Ничего такого господам и не снилось прежде.

– Только бы наш садовник не возомнил о себе слишком много! – говорили они.

Но садовник относился к делу совсем иначе и заботился только о том, чтобы удержать за собою славу одного из лучших садовников в стране. Ради этого он прилагал все старания, чтобы ежегодно иметь в господском саду самые лучшие плоды и цветы. Тем не менее, ему часто приходилось слышать от своих господ, что из всех доставленных им фруктов лучше всего удались ему те первые яблоки и груши. Конечно, и дыни были очень хороши, но это, ведь, совсем другое дело! Земляника же, хоть и действительно превосходная, всё же была не лучше чем у многих других господ. А случилось один год, что у садовника не удались редиски, так только и разговору было, что о неудавшихся редисках, о том же, что удалось, совсем не говорили.

У господ как будто легче становилось на сердце, если они могли сказать:

– Не повезло вам нынешний год, добрейший Ларсен! – Им просто приятно было говорить: – Да, да, не повезло вам! –

Два-три раза в неделю садовник украшал комнаты свежими букетами цветов, подобранных с таким вкусом, что все краски как-то особенно эффектно оттеняли друг друга.

– У вас есть вкус, Ларсен! – говорили господа. – Но это дар Божий, и вы сами тут ни при чём!

Однажды садовник принёс в комнаты большую хрустальную вазу, в которой плавал большой лист кувшинки, а на нём покоился яркий голубой цветок величиною с подсолнечник, длинный же толстый стебель его купался в воде.

— Индийский лотос! — вскричали господа.

Никогда ещё не видывали они такого цветка! И вот, днём его выставляли на яркое солнышко, а вечером освещали искусственным светом, и все гости приходили в восторг от прекрасного, редкого цветка. Такое впечатление цветок произвёл даже на самую знатную даму во всей стране — на молодую принцессу, а она была очень умна и добра сердцем.

Господа сочли за честь поднести ей цветок, и она увезла его с собою во дворец, а господа отправились в сад, — им хотелось сорвать себе другой такой же цветок, если только найдётся ещё хоть один, но ничего не нашли. Тогда они призвали садовника и спросили, откуда он взял голубой лотос.

— Мы напрасно искали его повсюду! — сказали они. — Искали и в теплице, и в цветнике!

— Да там-то вы его и не найдёте! — ответил садовник. — Это, ведь, простой цветок из огорода! Но красив он, правда? Ни дать — ни взять цветок голубого кактуса! А на самом-то деле только цвет артишока!

— Вам следовало заявить нам это сразу! — сказали господа. — А то мы приняли его за редкий тропический цветок! Вы нас скомпрометировали перед принцессою! Она увидела его у нас, и он ей очень понравился, но она не знала, что это за цветок, даром что прошла всю ботанику! Но, конечно, этой науке нет дела до кухонных трав! Как же это вам взбрело на ум принести такой цветок в комнату? Ведь, нас теперь на смех подымут!

И прекрасный голубой цветок, питомец огорода, был приговорён к изгнанию из барских покоев, — тут ему было не место — а сами господа поехали к принцессе извиниться и объяснить, что это только простой огородный цветок, который садовнику вздумалось принести в комнаты, за что он уже и получил выговор.

— Ну, это и грешно, и несправедливо! — сказала принцесса. — Он только открыл нам глаза на прелестный цветок, которого мы прежде не замечали, указал красоту там, где нам и в голову не

приходило искать её! Я велю придворному садовнику ежедневно, пока артишоки будут в цвету, приносить мне в комнату по такому цветку!

И как сказала, так и сделала.

Тогда и господа объявили садовнику, что он опять может приносить им в комнаты свежие цветы артишока.

— В сущности-то они очень красивы! — сказали они. — И в высшей степени оригинальны!

И садовника даже похвалили.

— А он страсть это любит! — толковали господа потом. — Он словно балованный ребёнок у нас!

Осенью случилась страшная буря; разыгралась она ночью и так свирепствовала, что выворотила с корнями много деревьев на опушке леса, а также, к большому огорчению господ, как они сами сказали, и к радости садовника, повалила и два больших старых дерева с птичьими гнёздами. Сквозь завывания бури слышны были крики грачей и ворон, которые, по рассказам дворни, даже бились крыльями в оконные стёкла.

— Ну, теперь вы рады, Ларсен? — сказали господа. — Буря свалила деревья, и птицы улетели в лес. Ничто больше не напоминает взору о старине! Всякий след её стёрт, уничтожен! Нас это огорчает!

Садовник не сказал ни слова, но решил поскорее приступить к осуществлению своей давнишней мечты, воспользоваться, как следует, этим чудесным, залитым солнцем местечком, до которого прежде не смел касаться. Оно послужит к украшению сада, и господа сами будут довольны.

Старые деревья, падая, смяли и переломали старые кусты буксбаума со всеми их отводками, и садовник решил совсем вырвать их и засадить всё местечко простыми полевыми и лесными растениями. Ничего такого не пришло бы в голову другому садовнику! Он рассадил все эти растения как можно лучше: любящие тень — посадил в тени, любящие солнце — на солнышке, заботливо ухаживал за ними, и они разрослись на славу.

Среди этой группы возвышался можжевельник, питомец ютландских степей, напоминающий итальянский кипарис, и блестящий колючий, вечно-зелёный и летом и зимою, красивый Христов тёрн, а пониже

росли папоротники всех сортов и видов; одни были похожи на миниатюрные пальмы, другие на тонкое прелестное растение «Венерины волосы». Рос здесь также и скромный репейник, свежие цветы которого так красивы, что их не грех поместить в любой букет. Репейник был посажен на сухом месте, а пониже, в более сыром грунте, рос лопух, также самое простое, но, благодаря своей высоте и размеру листьев, такое красивое декоративное растение. Кроме того росли здесь и осыпанные цветами, похожие на огромные канделябры, царские кудри, взятые с поля, и дикий яминник, и первоцвет, и лесные ландыши, и дикая калла, и трёхлистная нежная заячья травка, – ну, просто загляденье!

А на самом первом плане опирался на проволочную ограду ряд маленьких грушевых деревьев французской породы. Росли они на самом припёке, за ними заботливо ухаживали, и они скоро стали приносить большие, сочные плоды, какие приносят у себя на родине.

Вместо же двух старых голых деревьев садовник водрузил здесь высокий шест с Данеброгом на вершине, а рядом с ним другой, обвитый летом и осенью душистым хмелем; зимою же к верхушке его, согласно старинному обычаю, привязывался сноп необмолоченного овса – на поживу птицам небесным. Пусть и птички весело справят сочельник!

– Наш добрейший Ларсен ударился на старости лет в сентиментальность! – сказали господа. – Но нам-то он очень предан!

Около Нового года, в одном из иллюстрированных журналов появилась картинка, изображающая старое господское поместье. На ней были также видны и шест с Данеброгом и шест с привязанным к нему снопом – рождественским угощением для птиц. К рисунку относилась заметка, в которой приветствовалась прекрасная мысль – воскресить старинный обычай, столь характерный для старого господского поместья.

– Обо всём, что ни сделает этот Ларсен, вечно трубят во все трубы! – сказали господа. – Вот счастливец! Право, кажется, нам впору гордиться тем, что он служит у нас!

Но они вовсе не гордились этим. Они, ведь, сознавали себя господами, которые могут и отказать Ларсену, если вздумают.

Но, конечно, они ему не отказывали, – они были, ведь, добрые господа, и таких добрых господ немало – к счастью для разных Ларсенов.

Да, вот вам и вся история о «садовнике и господах»!

Поразмыслите же о ней на досуге!

